

Сереее Чечельницкому, с которым я разделил юность и много другое, в том числе спектакль «Бумбараи», в котором я играл Бумбараиша, а Сереее – красного командира

Письмо старому другу.

Слышь, Сереее, только это между нами. Я как-то все больше устаю. Раньше я уставал, когда ходил на работу, потом когда просто ходил. Теперь я устаю лежа. Ну, так вот: лежу я вчера, устал уже смертельно, а Алена (ты ее должен помнить, она на стол накрывала, когда ты приезжал в Нью-Йорк) мне и говорит: «Ты бы написал своему старому другу Сереее Чечельницкому, поздравил бы с юбилеем. Что ты все по телефону, по телефону любой может...

Кстати, Сереее, скажу тебе честно и опять же между нами: я уже и по телефону не могу.

«Вот, нас пригласили, - продолжает Алена, - а мы не придем, а все будут поздравлять, произносить тосты, а ты»...

«А чего я, - спрашиваю, - я тоже могу тосты произносить, только по слогам. А Сереее что, действительно полтинник стукнуло?» Алена молчит. Переспрашивать я не стал. Во-первых, сам знаю. Я хоть и издали, но за всеми внимательно слежу. Общаемся регулярно. Вот только звонки эти ночные очень будоражат. Хорошо еще, что есть разница по времени, и когда нам звонят ночью из Харькова, то здесь в Нью-Йорке - день. А еще хорошо, если Алена трубку снимет: послушает немного и обратно трубку кладет. «Какой-то придурок, - говорит, - звонит и молчит». И вот тут – и это уже во-вторых - открою тебе еще один секрет: по-моему, Алена уже практически ничего не слышит. Вот у нас сосед после обеда на циркулярной пиле работает, так как только он пилу включает, Алена говорит: «Все – тихий час!» Ложится в кровать и спит два часа. Пока сосед пилу не выключит. Вообще спит очень много, аж завидно.

«Ты меня слышишь?» - спрашивает Алена. Это она меня спрашивает. «Если не можешь писать, то я могу под диктовку». Издевается. Или хочет, чтобы я голос сорвал.

Нет уж, я как-нибудь сам. Друг, все-таки, мой, пусть и старый. Но поздравлять – значит славить (Слава – это мое имя, ты помнишь), причем конкретно, ведь я человек тщательный. Тут главное – все вспомнить. С памятью, слава Богу, у меня гораздо лучше, чем со всем остальным. Но скажу прямо (хорошо, что кроме тебя этого никто не слышит): я практически ни хера не помню. А если помню – то не то. Так что возможны некоторые временные накладки или заносы. Но скорей же приступим к прославлению, а то все уже очень устали, особенно я.

Итак, я славлю:

1. Твой талант.

Ты мне рассказывал, что когда ты был маленьким, ты мечтал вырасти и работать на комбайне. Твои родители не могли, не хотели в это поверить, не понимая твоей недетской уже прозорливости, не понимая, что в то время от комбайнера до президента страны был всего лишь один шаг (причем назад). Да, они подарили тебе комбайн, но другой, чертежный. «ОК, - сказал ты, одним словом выложив весь объем своих знаний английского языка, - не хотите, чтобы я был классным президентом, стану классным архитектором.» Сел за комбайн и пожал на нем замечательные плоды. В отличие от другого комбайнера, ты созидал. Ты - мастер, и поэтому у тебя своя мастерская. Удачно, конечно, получилось то, что ты родился и рос на Москалевке, где ты рано понял, как не нужно строить дома. Там же нужно искать истоки твоих других замечательных качеств. Как известно, на Москалевке находился театр им. Шевченко. На самом деле, это был вовсе не театр, а секретный военный завод по

производству радиодеталей для детекторных приемников. Не знаю точно, работал ли ты там (я понимаю – ты, наверное, давал подспыску в 1-м отделе), но если не радиодетали, то любовь к театру, наверное, ты вынес оттуда.

Но все это были лишь вспомогательные факторы, сопровождавшие твой большой природный талант. Тебе все так легко давалось. Тебе, собственно, и все легко давались. Эх, вспомнить бы имена-фамилии, записывать надо было... Только одно тебе не давалось: иностранный английский язык. Но об этом позднее. А сейчас:

2. Смелость.

Не буду голо- и многословным. Однажды, приехав в старый дом на Жутовской, ты обнаружил, что там орудует шайка грабителей. Бандитов было четверо. Ты был один. Ты бы мог уйти незаметно. Так, собственно, поступил бы каждый. Так поступил бы я (хотя бы из чувства такта). Но не ты. Ты один арестовал медвежатников. Лопатой. Потом оказалась, что это была знаменитая банда, за которой многие годы гонялась (на «Гаврии») харьковская милиция. За это менты поставили тебе памятник возле дома милиции: ты стоишь там грозно, как Георгий-Победоносец, за спиной у тебя крылья, а в руках – лопата. На пьедестале подпись, выгравированная гвоздем: «Рыжий, рыжий, конопатый, убил бабушку лопатой». Не медля более, перехожу к следующему твоему высокому качеству. А именно:

3. Отменная выправка и выдающиеся физические данные (по крайней мере, раньше они у тебя выдавались).

Сережа, как тебе шла военная форма! Военная форма и лысый череп! Помню, подходишь ко мне, в шинели, в ремнях, в лысом черепе – куда там Котовскому! - и говоришь: «Ну что, Бумбараш, пойдешь вместо меня английский сдавать?» Я тогда военных очень боялся и согласился. Ты мне за то кисет подарил. Я, кстати, из-за него в большую передрагу попал. Поймали меня (не помню только кто) и говорят: так это же кисет красного командира Сергея Чечельницкого! Нет, говорю, это кисет добитого мною беляка Бори Нисенбаума. Отпустили. А то уже в расход хотели...

А про большую твою физическую силу и говорить не приходится. У тебя в саду на Жутовкой большая штанга лежала. Некоторые из нас приподнимали ее с трудом двумя руками. Я к ней подойти даже не мог. А ты эту штангу – как перышко! Причем даже и не обеими руками. Ты вообще ее не руками поднимал. Раз-два, раз-два – и в ХИСИ на занятия...

4. Готовность прийти на помощь другу в беде, граничащая с самопожертвованием.

Доказательства этому есть неопровержимые. Однажды зимой вышли мы с тобой на озеро, и я провалился под лед. Я к тому же был закован в тяжелые латы, на голове у меня был шлем, из руки я не выпускал двуручный меч. А ты меня вытащил. Да, вот так это было. Если ты об этом ничего не знал, то это потому, что я тебе никогда не рассказывал. Собака твоя еще, точно помню, помогала. Тибетский терьер. Ты рассказывал, что собаки эти вывели в Азии породу морозостойких людей – терьерских тибетцев. Помню, видишь?

Да и как забыть... Есть такие слова из песни: «Друг всегда уступить готов...» Вот и ты такой был. Помню, как уходил ты на экзамен по английскому языку. Ты вот почти ушел уже и вдруг повернулся ко мне, улыбнулся так по-доброму, ободряюще, и сказал: «А хочешь вместо меня пойти?» Я пошел, конечно, не мог удержаться...

Пусть отклонюсь, но справедливости ради скажу, что и я перед тобой в долгу не остался. Я тебе об этом никогда не рассказывал. Однажды я спас тебя от еврейского погрома. Евреи тогда громили Москалевку, искали русских. Когда они подошли к твоему дому, я как раз стоял у ворот. Здесь, спрашивают, живет москаль Чечельницкий Сергей? Нет, говорю, здесь живет боевик Сохнута и активист Суккота Боря Нисенбаум. Ладно, говорят. И ушли.

А потом ответный был погром, пришли уже русские. Я стоял в саду, смотрел на штангу. Здесь, кричат, живет Боря Нисенбаум? Нет, говорю, и даю им адрес. Память тогда,

слава Богу, была отменная. Ты, вообще, помнишь Борю Нисенбаума? Он в «Радуге» играл, ходил на негнущихся, несколько раскоряченных, ногах. Это он уже после погрома был. Застенчивый такой... Все нос свой прятал. Спрячет, а потом найти не может, прямо как белка. Вообще, жалко его. Я вот даже сейчас печатаю, а компьютер его фамилию кровавой чертой подчеркивает...

5. Очень громкий свист.

Сережа, как ты умеешь свистеть! Как громко и пронзительно ты свистел той летней ночью на даче Потимкова на Алексеевке, когда по наивности я вызвался тебя пересвистеть. На твой свист (увы, не на мой) из всех домиков выбежали разбуженные и злые дачники, но узнав тебя, не стали сетовать: пусть уже, думали, посвистит Сергей Георгиевич вволю...

6. Красивая наружность и веселый нрав.

Быть красивым – это не просто быть рыжим или бородатым. Это еще и уметь модно одеваться и носить приличную обувь. Но и это еще не все. Нужно еще красиво и весело улыбаться. От этого улыбаются и становятся даже красивее другие, например, я. В этом легко убедиться, если посмотреть на фотографии (или футболки), на которых мы запечатлены вдвоем, будь то фоне Лопани или Empire State Building. Мы всегда с тобой улыбаемся. Во-первых, конечно, потому, что опять же зубы, которые еще есть. Потому что правильно нас учили родители зубы чистить. Помнишь, Розенбаум пел: правильно, мол, учили меня отец мой и мать мой... Ну, а вторых, потому, что с тобой, Сережа, всегда весело. И если на фото мы улыбаемся, то это значит, что до этого мы смеялись, и после этого будем смеяться. Это значит, что у нас все отлично было, есть и будет. И я надеюсь, что и сейчас ты посмеялся, хоть немного, и у тебя хороший день рождения. Все. Я тебя люблю и обнимаю.

Твой старый друг Слава Новиков.

P.S. Старик, за мной еще бейсбольная бита. Будешь ее использовать вместо лопаты.

P.P.S. А слабо щас свистнуть?